

Посттрудовая (анти-)утопия?

Критический взгляд на концепцию
посткапитализма Ника Срничека и Алекса Уильямса

© Давыдов Д. А.

© Davydov D.

Посттрудовая (анти-)утопия? Критический взгляд
на концепцию посткапитализма Ника Срничека и Алекса Уильямса

Post-labor (anti-)utopia? A critical look at Nick Srnicek
and Alex Williams' concept of post-Capitalism

Аннотация. Рассмотрена концепция посткапитализма Н. Срничека и А. Уильямса. Отмечена актуальность их идеи о необходимости выстраивания левой контргегемонии. Подвергнута критике ключевая идея Срничека и Уильямса, согласно которой путь к посткапитализму лежит через минимизацию труда и всеобщую автоматизацию. Выдвинут противоположный тезис, согласно которому человечество еще очень долгое время будет нуждаться во «всеобщем» общественно-необходимом труде. Подлинно гуманистическая стратегия движения к посткапитализму включает в себя повсеместную борьбу за увеличение количества и качества труда в социально-значимых областях.

Annotation. The article discusses N. Srnicek and A. Williams' concept of post-Capitalism. The article notes the relevance of their idea of necessity to build left counter-hegemony. Nevertheless, the author criticizes the key Srnicek and Williams' idea, according to which the path to post-Capitalism lies through the minimization of labor and universal automation. The author puts forward the opposite thesis, according to which mankind will need "universal" socially necessary labor for a very long time. According to the author, a truly humanistic strategy of movement towards post-Capitalism would include a ubiquitous striving to increase the quantity and quality of labor in socially significant areas.

Ключевые слова. Посткапитализм, социализм, коммунизм, безусловный доход, левая гегемония, марксизм, новые левые, труд, посттрудовое общество.

Key words. Post-Capitalism, Socialism, Communism, unconditional income, left hegemony, Marxism, new left, labor, post-labor society.

Сегодня человечество находится в довольно странном состоянии. «Призрак коммунизма» вернулся из области далекого трансцендентного и вновь обрел какой-то едва различимый облик. Как и полтора века назад, он «бродит», но уже не только по Европе, но и по всей Земле. В недавнем исследовании Trust Barometer, к примеру, было опрошено 34 тыс. человек в 28 странах. Как оказалось, 56% людей считают, что капитализм приносит больше вреда, чем пользы. При этом среди людей старшего возраста количество разочарованных в капитализме

Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта ИФиП УрО РАН № 18-6-6-9 «Фундаментальные проблемы правовой и морально-политической регуляции современных обществ в национальном и глобальном аспекте».

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович — научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург), кандидат политических наук.

составляет 53%, а среди молодежи и людей среднего возраста — выше (57 и 59% соответственно). В десятку стран—лидеров по числу разочаровавшихся в капитализме вошли Таиланд (75%), Индия (74%), Франция (69%), Малайзия (68%), Индонезия (66%), КНР (63%), Италия (61%), Испания (60%), ОАЭ (60%) и Нидерланды (59%) [7].

Опросы молодежи даже в такой исконно по духу «буржуазной» стране, как США, показывают явную тенденцию в сторону поддержки левых идей и вообще социализма. Данные поступают из многих источников. Характерны итоги опроса общественного мнения, проведенного исследовательской службой Harris Poll, согласно которому в США среди миллениалов и представителей поколения Z (люди, родившиеся в 1995 г. и позже) почти половина (49,6%) хотела бы жить в социалистическом государстве (в целом по стране о таком желании заявили 37,2% опрошенных) [13].

При этом никогда еще мировое левое движение (если о таковом вообще можно говорить) не находилось в столь серьезном тупике. Никогда еще столь высокая степень общественного недовольства капитализмом (от «Движения желтых жилетов» до таких явлений в сфере культуры, как фильм «Джокер» (2019)) не сочеталась со столь же глубоким идейным кризисом левых. Мы знаем, в чем корень проблем (неравенство, эксплуатация и т. п.), но не знаем, куда и как двигаться. Не ясно также, какова та реальная социальная сила, которая должна реализовать перемены по мерке своей передовой революционной сознательности. Остается якобы только выбирать между старыми рецептами «ремонта» системы, ее «социал-демократизации» или же вовсе пытаться реализовать довольно примитивные с марксистской точки зрения сценарии замены «плохих» коррумпированных политиков и т. п. на «хороших» (как минимум — организовывать массовые выступления и беспорядки с целью затормозить очередную неолиберальную инициативу). В итоге происходит «майданизация» левого мышления: идея социалистической революции, меняющей социально-экономическую систему, низводится до уровня «оранжевых революций» [20].

Однако в последние годы наблюдается довольно большая активность исследователей и общественных активистов, нацеленных на конструирование целостной альтернативы капиталистическому обществу. По крайней мере, возникают вдохновляющие идеи, которые со все большей убедительностью показывают, что другой, посткапиталистический мир возможен, и общество к нему медленно, но верно движется. Не будет преувеличением сказать, что теоретические поиски двух исследователей, Ника Срничека и Алекса Уильямса, находятся на переднем крае дискурса о посткапитализме. Об этом говорит и то, что их работы относительно быстро выходят на русском языке (что демонстрирует как минимум повышенный международный интерес к фигурам исследователей): в соавторстве — «Манифест акселерационизма» [18], «Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда» [17]; отдельная книга Н. Срничека «Капитализм платформ» [16].

Новый левый интеллектуальный мейнстрим

Концепцию Н. Срничека и А. Уильямса трудно назвать оригинальной. Их дискурс аккумулирует большую часть модных, якобы противостоящих леволиберальному мейнстриму левых идей: скорого наступления всеобщей автоматизации производства и мира «без труда», безусловного базового дохода, открытых границ и т. п. Поэтому при ознакомлении с их трудами неизбежно возникает ощущение дежавю: все это уже изложено, скажем, в работах П. Мейсона [10], Ф. Ван Парайса, Я. Вандерборхта [2], Р. Брегмана [1] (одна из работ Брегмана уже рассматривалась ранее на страницах «Свободной Мысли» [5]) и многих других.

Общая логика такова. Основное противоречие современного общества заключается в росте темпов автоматизации производства. Попутно в контексте неолиберального экономического климата капиталисты, испытывающие все больше проблем с извлечением прибавочной стоимости, стремятся к обеспечению себя все более дешевой и мобильной рабочей силой. Все чаще это делается с помощью аутсорсинга и «намеренной» прекаризации труда [19]: когда большая часть рабочей силы вынужденно переходит в разряд временных работников, в категорию «фрилансеры» (хотя отметим, что не все фрилансеры «вынужденные»). Рабочая сила одновременно дешевеет и становится все менее обременительной для работодателей, т. к. мобильный прекариат не претендует на социальные гарантии.

Все это вместе с рядом сопутствующих факторов (финансиализация экономики, ситуация, когда все чаще «победитель получает все» [21], и т. п.) приводит к росту социальной прослойки «лишних людей». Обладающий все меньшей долей совокупного «общественного пирога», «средний класс» перестает богатеть, а то и вовсе — в относительном выражении — беднеет. Для поддержания относительного достатка люди вынуждены работать больше, чем раньше (скажем, в 1950–1960-е гг.), или брать больше кредитов; но их работа все чаще становится «низкопробной», «мусорной» (bullshit jobs [25]). Как отмечает Р. Фрэнк, сильно возросло количество часов, которое человек со средней зарплатой должен отработать, чтобы арендовать дом в школьном округе среднего уровня (так называемый индекс труда): «с 1970-х годов неравенство в доходах резко возросло, и с тех пор параллельно ему увеличивается индекс труда. В последние десять лет он составляет около 100 часов в месяц по сравнению со всего лишь 42 часами в 1970 г. Средняя часовая зарплата американского работника в реальном выражении сегодня ниже, чем в 1980-е годы» [21. С. 156–157].

Однако сегодня появляются инструменты по радикальному исправлению ситуации. Перспектива всеобщей автоматизации и роботизации производства может рано или поздно привести к всеобщему избавлению от нужды в «базовых» материальных благах. Необходимо перераспределить богатство от 1% безмерно богатых к остальным 99%.

Старые кейнсианские методы уже не удовлетворяют представителей нового левого интеллектуального мейнстрима. Настоящая

посткапиталистическая альтернатива должна заключаться в стремлении к *избавлению от труда*: в сокращении рабочей недели (поначалу — в разделении рабочего времени на всех), в выплате всем безусловного дохода [4], в стремлении к равному распределению технологически обусловленного богатства. Все эти сюжеты узнаваемы, и отдельно их освещать нет смысла. В данной статье надо взглянуть на те новые идеи и акценты, которые свойственны именно интеллектуальному дискурсу Н. Срничека и А. Уильямса.

«Акселерационистский гегемонизм»

Прежде всего, концепцию Н. Срничека и А. Уильямса отличает акцентированная критика анархо-локалистской тенденции в левой политической теории и практике последних десятилетий. Под анархо-локалистской тенденцией автор понимает ориентацию на локальное, сетевое, малое в политической практике левых и в их представлениях о возможном будущем и, соответственно, неприязнь всего централизованного и масштабного [3]. Правда, Срничек и Уильямс используют другой, не совсем удачный термин — «народная политика».

Они так характеризуют ее: «в противоположность абстрактности и бесчеловечности капитализма, народная политика стремится свести политику к “человеческому масштабу”, подчеркивая ее временную, пространственную и концептуальную непосредственность... Народная политика интуитивно руководствуется тем, что непосредственность всегда лучше и часто более аутентична и, как следствие, с глубоким подозрением относится к абстракции и посредничеству. Во временном аспекте современная народная политика обычно остается реактивной (отвечает на действия корпораций и правительства, вместо того чтобы инициировать их самой); игнорирует долгосрочные стратегические цели, предпочитая тактику (выбирает один вопрос и мобилизуется вокруг него или делает акцент на процессе достижения цели); предпочитает практики, которые часто по природе своей скоротечны (захваты территорий и временные автономные зоны); делает выбор в пользу узнаваемого прошлого вместо неизвестного будущего (например, часто грезит о возвращении к «хорошему» кейнсианскому капитализму); отдает предпочтение волюнтаристскому и спонтанному перед институциональным (что выражается в романтизации беспорядков и повстанчества)» [17. С. 22].

Речь идет о двух сильно сказавшихся на специфике левого движения феноменах. Во-первых, это разочарование в иерархических и бюрократических структурах, а потому — недоверие к государству и «авангардным» партиям. Во-вторых, это упадок рабочего класса в результате постиндустриального поворота, неолиберальной гегемонии (упадок профсоюзов, перевод производства за границу, аутсорсинг рабочей силы и т. п.), с одной стороны, а с другой — в сокращении индустриального рабочего класса, в его частичном деклассировании или же «классовой диверсификации» (распаде на различные «подклассы»).

В итоге централистская перспектива постепенно заменялась на горизонталистско-локалистскую, а политическая повестка по политическому

переустройству общества (диктатура рабочего класса и т. п.) заменялась на стратегии противостояния буржуазной культуре (феминизм, движения за права черных, представителей ЛГБТК+ сообщества и т. п.). К категории «народная политика» Срничек и Уильямс относят как «новых левых», так и локалистские движения за местную еду, местную экономику (в противовес всевластным корпорациям), различные объединения автономов, сквоттеров, а также сетевые протестные движения вроде антиглобализма или акций «Захвати Уолл стрит». Все эти политические явления объединяют «ситуативность» (протест против чего-либо) и «локальность» (попытка создать некую параллельную капиталистической мир-системе реальность, «изменить мир, не беря власть» и т. п.).

Все эти движения и активность, по мнению Срничека и Уильямса, не могут ничего противопоставить гегемонии неолиберального капитализма, т. к. несоразмерны этой гегемонии. Нередко локалистские идеи оказываются попросту провальными, поскольку призывают к тому, что противоречит действительности. К примеру, этико-консьюмеристские призывы локалистов перенести вклады в небольшие банки (т. к. крупные банки виновны в кризисе)¹. Не помогают и тактики построения «коммун» или «народных предприятий». Эти локальные очаги не-капиталистической реальности в принципе не способны подорвать основы буржуазной системы и сами вынужденно действуют в ее логике².

«Народная политика», таким образом, пытается апеллировать к местному и конкретному (забастовки, акции и т. п.), в то время как капиталистическая система повсеместна, глобальна и абстрактна. Срничек и Уильямс полагают, что капиталистической гегемонии можно противопоставить только посткапиталистическую контргегемонию. Это означает, что капитализму как системе можно противопоставить только *системный* проект, т. е. проект, предполагающий всеохватные общемировые изменения. В этом заключается весь эмоциональный окрас их «Манифеста акселерационизма».

Необходимо стремиться вернуть время глобальных универсалистских проектов, нацеленных на прорывное развитие, всестороннюю трансформацию общества, всеобщее ускорение (акселерацию) развития. Капитализм же сегодня — это одно сплошное препятствие на пути

¹ Н. Срничек и А. Уильямс пишут: «деньги циркулируют в глобальном режиме и непосредственно связаны со всеми прочими рынками. Как только у небольшого банка или кредитного кооператива оказывается больше вкладов, чем он может инвестировать в своей местности, он немедленно стремится инвестировать внутри большой финансовой системы. Если изучить отчеты небольших банков в США, выясняется, что они участвуют в тех же глобальных финансовых рынках, что и все прочие, — инвестируют в казначейские обязательства, ипотеку или корпоративные бумаги, а при кредитовании зачастую практикуют те же социально разрушительные системы, что и крупные банки» [17. С. 68].

² «Типичный пример — испанский город Мариналеда. За три десятилетия это небольшое сообщество (2700 человек) выстроило “коммунистическую утопию”, которая экспроприировала землю, построила собственное жилье и кооперативы, сохраняет низкие цены и обеспечивает всех работой. Но границы такого подхода по преобразованию капитализма обнаруживаются довольно быстро: стройматериалы предоставлены региональным правительством, сельскохозяйственные субсидии поступают от ЕС, рабочие места сохраняются благодаря отказу от трудосберегающих технологий, доход идет от продажи товаров на внешних капиталистических рынках, а предприятия зависят от капиталистического соревнования и глобальных финансовых кризисов» [17. С. 74].

научно-технического и культурного прогресса. «Капитализм, — пишут Срничек и Уильямс в “Манифесте”, — начал сдерживать развитие производственных сил технологии либо в лучшем случае направлять их на решение сугубо узких задач. Патентные войны, монополизация идей — все эти современные феномены указывают на то, что капитал стремится покончить с конкуренцией, а также на то, что капиталу все в большей степени свойственен ретроградный подход к технологии. Достижения неолиберализма, связанные с ускорением, не привели к сокращению рабочего времени или уменьшению стресса» [18. С. 13].

Но как выстроить левую *контргегемонию*? Здесь Срничек и Уильямс предлагают посмотреть на процесс становления неолиберальной *гегемонии*. Мировое господство неолиберализма было обусловлено очень долгой «подготовительной работой» по превращению неолиберальных идей в «новый здравый смысл». Поначалу неолиберализм являлся маргинальной теорией. Кейнсианский идеологический консенсус между правыми и левыми считался устойчивым и многообещающим. В ситуации, когда одна половина мира была «социалистической», а вторая — «не-совсем-капиталистической» (кейнсианский «коллективистский» капитализм), мало кто мог допустить, что неолиберализм станет доминирующей экономической парадигмой.

Термин «неолиберализм» впервые прозвучал на встрече либеральных интеллектуалов, организованной в Париже в августе 1938 г. и собравшей европейских экономистов, враждебных всем формам вмешательства государства в экономическую жизнь. Встреча получила название «Коллоквиум Уолтера Липпмана». Затем формируется общество «Мон-Пелерин» (1947), участники которого сознательно ставили целью мировое распространение неолиберальных идей. Это происходило через широкую сеть аналитических центров: «члены общества проникали в политические круги США, сперва через аналитические центры вроде Американского института проблем предпринимательства, а затем стали занимать более формальные должности, как в случае Милтона Фридмана, который был экономическим советником Барри Голдуотера во время его президентской кампании» [17. С. 86]. Основная задача всех этих центров была проста: «незаметно сдвинуть параметры дискурса».

Аналитические центры внедряли неолиберальные воззрения, «просвещая и социализируя перспективных членов политических партий» [17. С. 89]. Но, помимо аналитических центров, для построения доминирующего дискурса использовался широкий арсенал других механизмов: «работая на продвижение чикагской версии неолиберализма как доминирующей альтернативы, Милтон Фридман писал пространные колонки в газетах и в беспрецедентных для ученого масштабах использовал жанр телеинтервью. Представители бизнеса финансировали проекты по освещению его работы в популярных телешоу, штурмывая территорию медиа» [17. С. 90].

Неолиберализм наращивал свое «дискурсивное присутствие», пока кризис 1970-х гг. не дал возможность этому «присутствию» вылиться в полномасштабный захват и гегемонию. При этом, как отмечают Срни-

чек и Уильямс, неолиберализм не давал единственно возможное решение «стагфляционной» проблемы. Скорее, он давал *далеко не самое удачное* решение. Как они пишут, «неолиберальный нарратив кризиса принижает роль банковской дерегуляции, проведенной канцлером казначейства Великобритании Энтони Барбером в начале 1970-х, и падения Бреттон-Вудской системы. Эти дерегуляции вызвали резкий подъем монетарной базы и последующую волну ценовой инфляции, а затем и инфляцию заработной платы. Иными словами, возможен был и другой нарратив, в котором проблема заключалась не в сильных профсоюзах, а, скорее, в дерегуляции финансов. То, что неолиберальная история восторжествовала, произошло в немалой степени из-за успеха идеологической инфраструктуры, выстроенной за десятилетия приверженцами неолиберальных идей» [17. С. 92].

Что означает «урок неолиберализма» для левых? По мысли Срничека и Уильямса, левым требуется тоже выстраивать «дискурсивную гегемонию». Необходимо «сформулировать» новую, посткапиталистическую, версию здравого смысла. При этом устремления левых должны быть нацелены на *комплексное преобразование общества во всемирном масштабе* («Мы заявляем, что лишь политика Прометея — политика, стремящаяся к максимальной власти над обществом и природой, — способна решить глобальные проблемы и достичь в итоге победы над капиталом» [18. С. 18]). Но что конкретно можно противопоставить мировому капитализму? У Н. Срничека и А. Уильямса есть свои предложения на этот счет, но они неоднозначны.

Мир без труда?

Прежде всего, по Срничеку и Уильямсу, необходимо бороться за базовые блага, которые обеспечивали бы рост «позитивных» свобод каждого. «Один из начальных шагов в разрешении этой проблемы — классическая социал-демократическая цель предоставления общественных благ, таких, как здравоохранение, жилье, уход за детьми, образование, транспорт и доступ к интернету» [17. С. 117]. Однако классические рецепты «всеобщего трудоустройства» их не устраивают. Как и все представители нового левого интеллектуального мейнстрима, они обращаются к дискурсу об ускоряющихся темпах автоматизации труда, а потому лучшее будущее для них — это будущее, в котором реализована *полная свобода от необходимости трудиться, полная автоматизация*.

Более того, левый акселерационистский проект должен быть нацелен не на увеличение количества рабочих мест, а на *их ликвидацию* путем автоматизации. Логика извлечения прибавочной стоимости должна замениться логикой освобождения от труда. Остающиеся рабочие места необходимо поделить между всеми, сократив среднюю рабочую неделю до минимума. Соответственно, каждому необходимо выплачивать безусловный доход (фиксированные регулярные пособия для всех без исключения). Срничек и Уильямс прямо пишут, что грядет эпоха «избыточного населения», а потому «как “Мон-Пелерин” предвосхитил кризис

кейнсианства и подготовил решения по широкому спектру проблем, так и левое движение должно готовиться к предстоящему кризису труда и избытка населения» [17. С. 126]. Конечно, они не утверждают, что мир посттруда является царством праздности. Для них — это мир свободы, в котором *«каждый волен сам определять свою жизнь»*.

На страницах работ Срничека и Уильямса можно увидеть немало аргументов в пользу того, что «общество труда» переживает закономерный кризис. Люди не стали работать меньше, но их работа стала значительно хуже, гораздо менее стабильной (прекаризация), и в подавляющем большинстве случаев приносящей куда меньше дохода. Уровень безработицы в западных странах сегодня остается относительно высоким (по сравнению с кейнсианским периодом «бурного роста»), а темпы экономического роста (речь идет о США и Европе) по историческим меркам низкие. Не всегда те источники и оценки, на которые опираются Срничек и Уильямс, вызывают доверие (к примеру, довольно смелая оценка, предполагающая, что от 47 до 80% текущих рабочих мест будет автоматизировано в ближайшие два десятилетия [17. С. 129]). Однако в целом «медленная, но верная» тенденция к «дестабилизации» рабочей силы ими отмечена верно.

Проблема в том, что *Срничек и Уильямс описывают кризис «общества труда» в рамках неолиберальной капиталистической системы как кризис труда в целом*. Их исследовательская оптика отталкивается от статус-кво, от того, что есть сейчас. Они смотрят на те человеческие усилия, которые сегодня прилагаются, чтобы поддерживать существование общества, и задаются вопросом: «как это все можно минимизировать, как освободить людей от этих усилий»? Для них словно не существует другой перспективы, есть только избыточная рабочая сила и труд, который нужно как можно быстрее отдать машинам и роботам, а параллельно — максимизировать свободное время и досуг (пусть даже досуг как саморазвитие).

Однако на все это можно посмотреть с совершенно другого ракурса. Что, если общество переживает катастрофическую нехватку человеческих усилий, человеческого труда? Причем речь может идти о нехватке именно общественно-необходимого труда, не свободной деятельности добровольцев, а «дисциплинированного» труда (подчиняющегося определенным нормативам, дисциплине, вертикальной организации) во благо всего человечества.

Этическая позиция, с которой будут рассматриваться приводимые далее аргументы, заключается в том, что каждая человеческая жизнь бесценна (со всеми «но» — если речь не идет о неизлечимых маньяках-убийцах и т. п.). При этом дело не в том, что она не имеет цены или не имеет эквивалентов в мире материальных вещей. Она бесценна постольку, поскольку утрата каждой жизни — это утрата целого мира, целой Вселенной. Это означает, что для подлинно гуманистического дискурса не должно существовать никаких «трудовых» эквивалентов человеческой жизни. Если имеются свободные трудовые ресурсы, которые позволяют бороться за сохранение жизни (отмечу — «жизни», а не «существования») как можно большего числа людей, то они должны быть задействованы

по максимуму — в ущерб всему остальному (развлечениям, материальным излишкам, роскоши и т. п.). В сущности, это — максималистская альтернатива буржуазному обычаю рассматривать человеческие жизни в терминах «экономической целесообразности».

Конечно, Срничек и Уильямс могли бы ответить, что «посттрудовая» перспектива не исключает добровольного *деятельного* участия людей, нацеленных на борьбу за жизнь каждого. Я же хотел бы обратить здесь внимание на недооцененную ими сферу нужды в том, что можно обозначить как «общественно необходимый труд». Под ним можно понимать в том числе и такой труд, который нежелателен или попросту невозможен на добровольной основе. Это именно труд в классическом смысле этого слова, а не деятельность как нечто добровольно-свободное. Он основан на дисциплине, следовании инструкциям, опирается преимущественно на четко зафиксированные нормативы и этические нормы (к примеру, дисциплинированная и скоординированная деятельность спасателей, всегда готовых выехать на место катастрофы).

Авторы, по всей видимости, не замечают главного: в росте «избыточного населения» виноваты вовсе не автоматизация и роботизация производства, а не соответствующие современным реалиям системы образования. Срничек и Уильямс практически не рассматривают эту тему, хотя она должна быть в центре внимания тех, кто хочет разобраться в причинах возникающих дисбалансов между общественным спросом на труд и его предложением. Современный учитель или преподаватель в условиях постоянного давления со стороны родителей и администрации, как правило, в очень сжатые сроки (45 минут или 2 академических часа) должен пытаться донести до немалого количества обучающихся (студентов, школьников и т. п.) материал, который требует очень долгого изучения, вникания в детали, индивидуального подхода к особенностям психологии и восприятия каждого (можно ли за 45 минут внятно объяснить группе из 30 подростков причины, ход и итоги Великой французской революции?)

Фактически мы имеем системы образования, актуальные для воспитания рабочих массового производства (которым не обязательно знать о причинах Великой французской революции и вообще о чем-то, выходящем за пределы узких производственных задач), но никак не *творческих индивидуальностей*, способных на решение сложнейших инженерных или научных задач (такие индивидуальности появляются, но скорее *вопреки* системе образования).

Срничек и Уильямс, как и другие левые «минималисты», скорее будут рассуждать о роботизации, «автоматизации» процесса образования, о распространении онлайн-курсов, интернет-университетов и пр. Такая повестка прямо противоположна «максималистской», согласно которой для достижения максимально возможного личностного развития каждого требуется радикальное увеличение количества (и, грубо говоря, «качества») учителей/преподавателей/научных руководителей и т. п. Исходя из «максималистского» подхода, учитель должен перестать быть «говорящей головой» (будь то «живой» учитель перед классом или видеозапись на проекторе), имеющей дело с обезличенной массой слушателей. Вместо

этого роль учителя (наставника?) должна быть сконцентрирована вокруг *воспитания, помощи в самостоятельном освоении сложного материала, руководства личностным прогрессом каждого, психологической поддержки*. Но это требует непосредственного взаимодействия между учеником и наставником, а такое взаимодействие возможно только в небольших группах (5—7 человек), при непосредственном общении-вникании и при нефиксированном времени. Даже сокращение обычных классов и учебных университетских групп до 10—15 человек потребовало бы в два-три раза больше учителей/преподавателей [6]. Если учесть, что сегодня в России только школьных учителей — около 2 млн, речь идет о потенциальной нехватке труда многих миллионов человек.

Таким образом, мы видим парадоксальную ситуацию наличия двух противоположных типов левого дискурса. Левый «минимализм» делает ставку на освобождение от труда, акцентируя внимание на поразительных возможностях экономии трудовых ресурсов благодаря новейшим технологиям. Действительно, можно сократить количество учителей или же, что ближе Срничеку и Уильямсу, поделить их нагрузку поровну при сохранении зарплаты (что довольно сомнительно, — но это предмет отдельного рассмотрения), «автоматизировав» часть их труда. С точки зрения качества образования от этого мало что изменится; но зато можно «освободить от труда» некоторую долю учителей/преподавателей. При стремлении к «быстрым выгодам» это целесообразно: в идеале можно было бы вообще почти полностью автоматизировать труд учителей, что дало бы колоссальную экономию. Однако при таком «минималистичном», «экономном» сценарии мы получаем все ту же расширяющуюся прослойку «лишних людей», т. к. вряд ли качество образования от этого улучшилось бы.

Но как только мы ставим «максимальную» задачу, потребность в труде учителей не сокращается, а сильно возрастает. Странно, что Срничек и Уильямс этого не замечают, учитывая весь акселерационистский пафос их дискурса. Если речь идет о настоящем ускорении научно-технического прогресса, то без смелых изменений в системе образования в сторону ее «персонализации», преодоления ее массового характера двигаться в указанном направлении невозможно.

Вернемся к вышеизложенному этическому принципу о *бесценности* каждой жизни. Акселерационизм можно трактовать как принятие данного принципа: каждый «упущенный талант», каждый ребенок, который «перегорел» в «угнетающей» системе массового образования, не стал изобретателем новых лекарств, хорошим врачом, спасателем и т. д., — это тысячи, а то и миллионы (если не миллиарды) смертей. *«Максималистский» акселерационизм, таким образом, — это не борьба за освобождение от труда в надежде на то, что «лишние люди» в условиях избытка досуга непременно начнут заниматься «производительной» деятельностью. Это всеобщая концентрация усилий на борьбе со смертью и всем тем, что ее приближает* (от преодоления ощущения утраты смысла жизни до создания безопасных средств передвижения или, например, борьбы с преступностью).

Можем ли мы сказать, сколько конкретно нужно ученых, чтобы победить смерть? Вполне возможно, что бесконечно много, т. к. найти универсальное средство, которое обеспечило бы каждого миллиардами лет счастливой жизни, вряд ли удастся. Речь, соответственно, идет о взаимообусловленных, взаимодополняющих явлениях: *мы нуждаемся в «бесконечном» приросте труда ученых, инженеров, изобретателей; но это означает также «бесконечный» прирост труда тех, кто «создает» этих ученых, инженеров, изобретателей.* И это не труд добровольцев, живущих на безусловный доход или что-то подобное. Образование, *согласно такой установке*, — это право, которое должно реализовываться на максимально возможном уровне (включим сюда еще и неисчерпаемую потребность в улучшении качества образования, его технологичности, наглядности, что тоже повлекло бы за собой рост сторонних «трудо-вых издержек»).

«Демассовизация» образования не означает его всеобщей добровольности, когда учитель волен учить так и тогда, *как* и когда он сам того пожелает. Это все еще *общественно необходимый* труд, неразрывно связанный с постановкой коллективных целей общества (человечества?) и трудовой дисциплиной.

То, что актуально для образования, актуально и для других сфер. К примеру, дошкольные учреждения, которые также можно рассматривать как важный первый этап в системе образования. Здесь актуальны те же выводы. Но детский сад — это также территория повышенной ответственности воспитателей. Речь зачастую идет не просто о здоровье (те ситуации, когда большую часть времени дети болеют, нежели посещают детский сад из-за переполненности детских коллективов) и не просто о способности воспитателей в существующих условиях *воспитывать и обучать*. Если в поисковой системе Google вбить ключевую фразу «из-за недосмотра воспитателя», то она моментально выдает сотни новостей соответствующей тематики: «Малыш умер в частном детском саду Чечни из-за недосмотра воспитателя» (29 ноября 2018 г.); «Девочка в детском саду серьезно пострадала из-за недосмотра воспитателя» (15 ноября 2018 г.); «Двухлетний ребенок выпал из окна на глазах у воспитателя» (5 мая 2019 г.); «В Якутии воспитатель детсада стала фигуранткой уголовного дела из-за травм, полученных воспитанницей» (6 марта 2019 г.); «Ребенок в Нижегородской области сломал обе ноги из-за недосмотра воспитательницы» (31 мая 2018 г.); «Воспитательница детского сада пошла под суд за то, что от нее убежала четырехлетняя девочка, которая впоследствии разбила голову в Нижневартовске» (27 августа 2018 г.); «В детском саду Златоуста во время прогулки на площадке удушилась одна из воспитанниц. Спасать девочку первыми кинулись другие дети, несмотря на то что все происходило на глазах педагога» (22 февраля 2019 г.) и т. д. и т. п.

Поражает количество таких новостных сообщений и географический размах: нет практически ни одного более или менее крупного населенного пункта, где бы не наблюдалось что-либо подобное за последние два года. И здесь упоминаются только те случаи, которые фигурируют в СМИ. Детские сады буквально калечат и убивают. Разумеется, во многих

случаях виноваты беспечные воспитатели. Но как отделить простую беспечность от ситуаций «профессионального выгорания» и полного бессилия воспитателя, который просто не успевает справиться с 20 и более детьми, вышедшими на прогулку? Таким образом, можно предположить, что общество нуждается в радикальном увеличении количества детских садов, количества воспитателей, улучшении их профессиональной подготовки и т. п. Вновь можно говорить о (пока еще не сформированной (не осознанной?)) потребности в высококвалифицированном дополнительном труде миллионов человек.

Схожие выводы можно сделать, рассмотрев сферу медицины. Зачастую медицину современные левые «минималисты» рассматривают как одну из главных сфер автоматизации в будущем. Действительно, сегодня часто говорят о скором массовом распространении мощных интеллектуальных систем, позволяющих «автоматически» ставить диагнозы. Так, к примеру, говорится о том, что искусственный интеллект заменит труд врачей-рентгенологов. Недавно сообщалось, что «машинный интеллект почти в семь раз эффективнее выявляет риски сердечно-сосудистых заболеваний, чем врачи во время рутинной диспансеризации» [9]. Однако здесь вновь наблюдается тот же «парадокс»: если мы хотим получить максимально эффективную медицину, то речь должна идти не об «автоматизации» труда врачей, а о *максимально возможном увеличении вложений труда в данной области*.

В том же тексте о выявлении искусственным интеллектом рисков сердечно-сосудистых заболеваний приводится высказывание Б. Зингермана, генерального директора Ассоциации разработчиков и пользователей искусственного интеллекта в медицине. На вопрос о возможном вытеснении медицинских работников машинами он отвечает: «Об этом не может быть и речи! Врач был, есть и будет нужен. Все ключевые решения по-прежнему — его прерогатива. Но цифровые помощники будут все активнее входить в жизнь докторов. Задача роботов — максимально уменьшить вероятность ошибки. Весь смысл внедрения искусственного интеллекта в медицину состоит в том, чтобы освободить врача от рутины, дать ему больше времени на общение с пациентами и более глубокое понимание каждого случая» [9]. Но и это не все: сегодня мы наблюдаем *масштабную нехватку труда врачей*. Причем можно также предположить, что врачей должно быть в разы больше, а труд их должен иметь совсем другой характер, нежели сегодня. И дело даже не в том, что не хватает специалистов на уже существующие рабочие места.

Посмотрим на принятые в России временные нормативы приема пациентов в медицинских учреждениях. С учетом оформления документации на посещение участкового педиатра и терапевта отведено 15 минут, семейного врача — 18, невролога — 22, оториноларинголога — 16, офтальмолога — 14, гинеколога — 22, врачу-кардиологу выделяется 24 минуты, врачу-эндокринологу — 19, врачу-стоматологу-терапевту — 44 минуты [8]. В США, как правило, прием у врача-терапевта (primary care physician — врач первичной медицинской помощи) длится 15–20 минут. Время посещения врачей-специалистов тоже мало отличается от того, что наблюдается в России [23]. Если же говорить о всем мире, то для по-

ловины человечества визиты к врачу первичной помощи длятся менее 5 минут. Диапазон назначений варьируется от 48 секунд в Бангладеш до 22,5 минуты в Швеции [24]. Хватает ли этого времени, чтобы поставить правильный диагноз и назначить адекватное лечение? Во многих случаях — да. Но очень часто — нет. В 1999 г. американские исследователи изучали практику 29 врачей первичной помощи. Оказалось, что они позволяли говорить своим пациентам в среднем 23 секунды. Другое исследование, проведенное в Университете Южной Каролины в 2001 г., показало, что пациенты первичной медицинской помощи «прерывались» через 12 секунд, если не медицинским работником, то звуковым сигналом или стуком в дверь [23].

Такое малое количество времени на непосредственное общение с врачом объясняется сопутствующими процедурами. Исследование, проведенное в 2016 г. К. Сински, доктором медицины в Американской медицинской ассоциации, показало, что врачи тратят только 52,9% времени на беседы с пациентами или на осмотр, а 37% времени занимаются оформлением документов [31]. Брюс Ю. Ли, колумнист *Forbes*, в связи с этим с сарказмом предлагает людям, обращающимся за медицинской помощью, заимствовать методы изложения сути своих жалоб в сфере маркетинга: «В конце концов, типичная телевизионная реклама длится около 30 секунд. Две минуты — это типичный рекламный ролик от телешоу. Если четыре компании могут заставить вас купить вещи за две минуты, то вы можете рассказать всю свою историю. Конечно, у вас, скорее всего, не будет высокооплачиваемых сопровождающих актеров, графики и других визуальных эффектов, а также хорошего саундтрека. Но никто не сказал, что вы не можете использовать их для посещения врача» [27].

К чему приводит столь недолгое общение между пациентом и врачом? К тому, что немалому числу пациентов ставится некорректный диагноз, угрожающий их жизни и здоровью. Быть может, довольно часто для постановки диагноза достаточно и 23 секунд. Но очень часто от врача требуется на какое-то время стать настоящим Шерлоком Холмсом в мире медицины и разгадывать сложные загадки (образ такого медицинского «Шерлока» хорошо показан в американском телесериале «Доктор Хаус»). Пациенты часто недоговаривают, а то и вовсе скрывают те подробности своей жизни и функционирования своего организма, которые могли бы сильно упростить постановку диагноза. Только хорошо осведомленный врач, знающий своего пациента и его медицинскую историю (сюда также можно включить знание медицинской истории ближайших родственников), выстраивающий с ним доверительные отношения, может оказывать действительно качественную медицинскую помощь. Зачастую процесс постановки верного диагноза превращается в долгую, неприятную и опасную историю. Вот типичный пример:

«Ясно, что это ревматизм!» — объяснил врач Дениз, которая жила с хронической болью с детства. Женщина и бывшая медсестра знали, что диагноз был неверным — он просто не соответствовал ее пожизненным симптомам. Но кто ей поверит? В течение многих лет врачи говорили ей, что она только воображала боль, что все это было в ее голове. По крайней мере, на этот раз врач Дениз поверил ей.

Дениз назначали сильнодействующие препараты для лечения боли, вызванной ревматизмом. Ее боль не спадала; вместо этого у Дениз развился тяжелый психоз. Потребовалось 12 месяцев, чтобы понять, что это были побочные эффекты лекарства от состояния, которого у нее никогда не было. В последующие годы было выполнено много МРТ-сканирований и других диагностических тестов — и все без четких результатов.

Однажды жаркой летней ночью ее состояние резко ухудшилось, и ей пришлось вызвать скорую помощь. Когда прибыли сотрудники скорой помощи, они заметили, что тело Дениз было покрыто синяками — еще один признак ее истинного состояния здоровья. Дениз привыкла ко всем видам синего и зеленого цветов, украшающих ее тело, и не могла даже представить, что будет дальше. Медицинская команда обвинила ее мужа в жестоком обращении с ней.

Теперь этого было достаточно. Убедив сотрудников скорой помощи, что ее муж не оскорблял ее, она решила возобновить поиск правильного диагноза. Двенадцать лет и 25 докторов спустя, она наконец выяснила истинную причину своего состояния: синдром Элерса-Данлоса, редкое генетическое заболевание, с которым она родилась. Сегодня 47-летняя женщина говорит, что потеряла доверие к медицинским работникам и боится каждого посещения» [32].

Наверное, в жизни каждого человека рано или поздно возникают подобные ситуации, когда поиск ответа на вопрос о причинах того или иного недуга затягивается на годы. За это время можно упустить время и оставить без должного лечения серьезное заболевание. Исследование, проведенное в США в 2009—2010 гг., показало, что только в 12% случаев диагнозы врачей первичной помощи оказывались полностью правильными. Уточнение требовалось в 66% случаев, а в 21% — первоначальный диагноз был ложный [33]. Ученые из Университета Джона Хопкинса в 2019 г. показали, что от 40 тыс. до 80 тыс. смертных случаев в больницах США каждый год могут быть связаны с ошибочными диагнозами. Ошибочный диагноз может также играть роль в 80—160 тыс. серьезных случаев непреднамеренного нанесения вреда здоровью людей ежегодно [28]. Таким образом, американская медицина (самая дорогостоящая в мире) каждый год убивает столько людей, сколько погибло при атомной бомбардировке Нагасаки 9 августа 1945 г.

Какой можно было бы представить идеальную медицину? Явно не ту, в которой врач общается с пациентом в среднем 23 секунды. Более того, это была бы медицина, направленная на недопущение «профессионального выгорания», на преодоление рутинности труда врача и расширение его творческих компетенций (а для этого в пропорции к остальному населению самих врачей должно быть в разы больше). Иными словами, это не только труд врача-профессионала, но и *врача-ученого*. К слову сказать, с научными компетенциями врачей сегодня дела обстоят не лучшим образом, — особенно в России, где до сих пор при самой обычной простуде в массовом порядке назначают «фуфломицины» (лекарства с недоказанной эффективностью — Арбидол, Гриппферон, Иммунал, Имудон, Ингавирин, Кагоцел и многие другие), активно лечат несущест-

вующие заболевания вроде вегетососудистой дистонии и находят чуть ли не у каждого второго младенца признаки неврологических расстройств.

В итоге огромные материальные средства идут в карманы владельцев фармацевтических компаний. Последние активно «сотрудничают» с курирующими сферу медицины госслужащими, которые, в свою очередь, спускают «сверху» инструкции лечащим врачам, недостаточно компетентным, чтобы усомниться в «научной» базе лечения. По одной из оценок, только в России на ненужные препараты граждане ежегодно тратят порядка 1 млрд долларов [14]. (А сколько тратится на их рекламное продвижение?)

Но не только в России ситуация с научной компетентностью лечащих врачей неблагоприятна. Сегодня в тех же США доля врачей, занимающихся научными исследованиями, составляет всего 1,5% [26]. Однако очень часто именно практикующие врачи оказывались изобретателями новых лекарств или методов лечения, которые спасали жизни миллионам людей. Мукеш К. Джайн, Тадатака Ямада и Роберт Лефковиц, члены правления Фонда поддержки врачей и ученых, отмечают:

«Снова и снова врачи-ученые меняли историю медицины, выявляя проблему в клинике и обращаясь в лабораторию для ее решения. Александр Флеминг наблюдал, как мужчины умирали от сепсиса во время Первой мировой войны в период службы в Медицинском корпусе Королевской армии, а затем возвращался домой, чтобы создать пенициллин. Сидни Фарбер, молодой врач из Детской больницы в Бостоне, посвятил себя поиску методов лечения лейкемии у детей и заложил основы современной химиотерапии рака.

В 1970-х гг. врачи Майкл Браун и Джозеф Гольдштейн решили понять, как артерии маленького ребенка могут быть забиты так же, как и артерии человека с избыточным весом. Это вдохновленное пациентами исследование привело к открытию рецепторов холестерина ЛПНП и проложило путь к статинам, препараты, которые в одних только США ежегодно принимают миллионы людей.

И совсем недавно исследования двух врачей, Брайана Кобилки и одного из нас — доктора Лефковица, которые пытались понять, как гормоны оказывают свое биологическое действие, привели к открытию большого семейства рецепторов, которые легли в основу разработки сотен одобренных FDA лекарств» [26].

Стоит обратить внимание на еще один момент — оказание экстренной медицинской помощи. Сегодня в России «скорая» стала быстрее доезжать до пациентов: доля вызовов со временем доезда до пациента менее чем за 20 минут по отношению к общему числу вызовов возросла с 82,5% в 2009 году до 89,4% в 2018 году» [12]. При этом, правда, ситуация остается относительно не самой благоприятной: по данным Росстата, около 10% граждан провели в ожидании медиков больше 40 минут, а 3% из них — более часа. Хуже всего дела обстоят в малых селах и крупных городах, где 28% жителей деревень с населением менее 200 человек и 15% — с населением до 1 тыс. человек не могли дожидаться приезда «скорой» от 40 минут до часа и даже более. В городах с населением от 500 тыс. до 1 млн с проблемой столкнулись 23% граждан [11].

Но что такое даже 20 минут ожидания «скорой»? Это далекий от идеального показатель. Во многих странах уже считается нормой ожидание экстренной медицинской помощи в 10 и менее минут. Но и этого зачастую недостаточно. При остановке сердца через 1 минуту мозговые клетки начинают умирать. Через 3 минуты нейроны уже сильно повреждаются, поэтому становятся более вероятными необратимые изменения. Через 5 минут смерть практически неизбежна [15].

Исследование, опубликованное немецкими учеными в 2018 г., показало, что успех реанимации был обратно пропорционален времени «доезда» машины скорой помощи; среди пациентов, которые не получали реанимацию от посторонних лиц, частота выписок из больницы снизилась с 12,9% при среднем времени ответа 1 минута и 10 секунд до 6,4% при среднем времени реакции 9 минут и 47 секунд [23]. Эти данные хорошо согласуются с результатами более ранних исследований. Так, в 2010 г. ученые из Великобритании пришли к следующему выводу: только 30 (2,6%) из 1161 пациента с остановкой сердца дожили до выписки из больницы; но если у пациента случалась остановка сердца, когда медработники находились близко, выживаемость до выписки из больницы составляла 14% [29]. Исследование, опубликованное в 2001 г. группой ученых из Шотландии, показало, что сокращение времени «доезда» машины скорой помощи с 15 до 5 минут может почти удвоить выживаемость при остановке сердца [30].

Таким образом, от каждой минуты пути «скорой» зависят жизни многих тысяч людей. В идеале время прибытия «скорой» должно составлять 1–3 минуты (время, в течение которого мозг человека с остановкой сердца еще жив). И это не является фантастикой. Сегодня мы живем в парадоксальное время, когда скорая помощь приезжает за 20–40 минут (добавим сюда время, необходимое на то, чтобы описать ситуацию оператору, назвать адрес и т. п.). Но зато водители платформенных служб такси вроде «Uber» или «Яндекс. Такси» подчас ожидают пассажиров еще до того, как они успевают одеться и выйти на улицу (как правило, это как раз те самые 1–3 минуты). Можно, соответственно, выстроить работу скорой помощи по платформенному принципу, применить опыт служб такси в сфере оказания срочной медицинской помощи. Но это повлекло бы за собой возросшую потребность в труде куда большего числа работников скорой помощи. Грубо говоря, в таком случае было бы необходимо, чтобы всегда готовые возвращать людей «с того света» машины скорой помощи постоянно «кружили» где-то поблизости. Но разве возможно такое в «посттрудовом мире» Н. Срничека и А. Уильямса?

Популистская гегемония или гегемония популизма?

Можно и дальше продолжать приводить подобные примеры (та же область ухода за стареющим населением и т. п.). Более того, они бы не ограничились областью образования и медицины. (Например, достаточно ли труда задействовано в государственном контроле (надзоре) в областях торговли, общественного питания и т. п.?) Все эти примеры свидетельствовали бы скорее об острой нехватке общественно-необхо-

димого труда, нежели о кризисе «общества труда» в силу «объективных» причин — роботизации и автоматизации производства (рассмотрение таких примеров трудно уместить в одну статью).

Труд настоящего учителя-друга (наставника и т. п.) вряд ли можно будет когда-нибудь автоматизировать, зато можно автоматизировать современного «массового» учителя. Также очень сложно подвергнуть автоматизации труд врача-ученого, который проводит исследования, хорошо знает своих пациентов и является Шерлоком Холмсом в мире медицины; но вполне реально заменить роботами большую часть современных «выгоревших» врачей, которые общаются со своими пациентами в среднем 23 секунды, выписывают рецепты по инструкции «сверху» («труд» такого врача уже во многих случаях заменил Интернет). *Левый «минимализм» и левый «максимализм», таким образом, движутся в диаметрально противоположных направлениях. Первый утверждает приоритет свободы от труда и верховенство досуга, в то время как для второго священна жизнь каждого, кто нуждается в организованном, дисциплинированном труде.*

Левый «минимализм» Н. Срничека и А. Уильямса можно понять. Они пытаются сделать концептуальные наброски к проекту, который мог бы положить начало левой контргегемонии. При этом они верно подмечают основную проблему современных левых: отсутствие детально проработанного образа будущего, глобальной альтернативы капитализму, локализм «народной политики». В этом смысле обращение к опыту неолиберальной гегемонии резонно.

В конце концов, когда уже не идет речи о каком-то внятном революционном классе, изменить что-то можно только при помощи *популизма*. Срничек и Уильямс не скрывают популистской направленности своего дискурса. «Рецепт успеха» таков: «контргегемонный» дискурс должен хорошо укладываться в уже существующие в буржуазном обществе «ментальные карты», шаблоны мышления и давать очень простые решения сложных вопросов, которые удовлетворяли бы самые широкие слои населения.

Срничек и Уильямс пишут: «мобилизация популистского движения на почве антитрудовой политики потребует такой формулировки популизма, которая сможет выразить интересы разнообразных групп, борющихся за социальную справедливость и освобождение человечества. Важно, что у антитрудовой политики есть такие ресурсы: например, это был бы хороший выбор для красно-зеленого блока, если он сможет преодолеть противоречия между программой экономического роста и сохранения рабочих мест и программой сокращения углеродных выбросов. Посттрудовой проект по сути является также и феминистским, он признает теневой труд, выполняемый в основном женщинами, так же, как и феминизацию рынка труда и необходимость финансовой независимости для полной эмансипации женщин. Он сочетается и с борьбой с расизмом, поскольку черное и другие меньшинства непропорционально страдают от высокой безработицы, массовых заключений под стражу и полицейской жестокости. И наконец, посттрудовой проект опирается на постколониальную борьбу и борьбу аборигенов за предоставление средств

к существованию для массовой неофициальной рабочей силы, а также отсутствие миграционных барьеров» [17. С. 233].

Короче говоря, идея «освобождения от труда» могла бы удовлетворить всех, кроме, разве что, богатых. В итоге получается легко усваиваемое «лекарство» от общественных недугов: нужно просто платить всем равные пособия «на существование» (безусловный доход), а общественно-необходимый труд как можно скорее минимизировать. Это логично: ведь безусловный доход нужно платить из бюджета, а потому в таком случае потребуется «сократить» (вернее, «роботизировать») труд тех же учителей или врачей. В таком виде, действительно, искомая контрреволюция вполне достижима, т. к. опирается на то же «ценностное поле», что и неолиберализм: свобода каждого распоряжаться своей жизнью, формальная «независимость», индивидуализм и т. д. Но будет ли эта контрреволюция вести к по-настоящему лучшему варианту будущего?

Отмечу, что в трудах Н. Срничека и А. Уильямса можно найти немало отсылок к сюжетам, которые выходят за рамки простых популистских рецептов. Так, они намекают на возможную (правда, «частичную») реактуализацию идеи плановой экономики («со времен первых советских попыток экономического планирования вычислительная мощность выросла экспоненциально, увеличившись в 100 миллиардов раз» [17. С. 263]) и прямой демократии («на платформе социальных медиа могут возникнуть новые способы обсуждения и участия» [17. С. 263]). Небезынтересный вывод можно найти в новой книге Н. Срничека «Капитализм платформ» о перспективах «социализации» платформ («цифровые инфраструктуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать» [16. С. 41]): «в более радикальном ключе мы можем выступать за создание посткапиталистических платформ, которые используют данные, собираемые другими платформами, для того чтобы перераспределять ресурсы, поддерживать демократическое участие и способствовать дальнейшему технологическому развитию» [16. С. 113].

Наконец, можно только приветствовать призыв Н. Срничека и А. Уильямса к детальной проработке посткапиталистического проекта, созданию полноценной левой *утопии* (как желаемого образа будущего). Но найдут ли эти идеи свое *лучшее* применение в рамках предлагаемого авторами посттрудового проекта? Является ли «минимизация» труда ради свободы досуга высшей ценностью? Или же общество, напротив, должно стремиться к *максимально возможному личностному развитию каждого, прилагать максимально возможные усилия в борьбе за жизнь каждого?*

В контексте посттрудового дискурса Срничека и Уильямса крайне чужеродно выглядят «акселерационистские» компоненты. Исследователи делают ставку на некий «самодвижущийся технологический прогресс» и «рост государственных инвестиций», но как это будет реализовано в условиях и так возросших бюджетных трат на безусловный доход, не проясняется. Смогут ли технологические «прорывы в светлое будущее» организовать люди, обученные роботами?

Возникает ощущение, что Срничек и Уильямс даже не задаются такими вопросами. Для них важнее подчеркнуть, что всякий общественно

необходимый труд, в организации которого задействовано государство, есть путь к диктатуре («без полной автоматизации посткапиталистическое будущее должно по необходимости выбирать между изобилием ценой свободы (повторение трудоцентризма Советской России) и свободой за счет изобилия, как то изображалось в примитивных антиутопиях») [17. С. 159].

Но в таком случае возникает вопрос: почему они игнорируют при этом свои же тезисы об открывающихся грандиозных технологических возможностях обеспечения прямой демократии и перспективах расширения «плановых» рычагов экономического управления за счет колоссально возросших вычислительных ресурсов техники? Быть может, именно в данной области нужно искать новую левую утопию? Не в наивных размышлениях о том, что в будущем за всех все будут делать роботы, а в конкретно-технологических поисках новой модели государства и экономики, для которых высшей целью является не только и не столько досуг, а жизнь, здоровье и «нелишняя» личность каждого.

Литература

1. **Брегман Р.** Утопия для реалистов : Как построить идеальный мир. М. : Альпина Паблишер, 2018.
2. **Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я.** Базовый доход : Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М. : ИД Высшей школы экономики, 2020.
3. **Давыдов Д. А.** Анархо-локализм и кризис левой политической мысли // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2019. Т. 93. № 2.
4. **Давыдов Д. А.** Безусловный доход и перспективы посткапитализма // Мир перемен. 2017. № 2.
5. **Давыдов Д. А.** Возрождение утопии? Заметки на полях [Р. Брегман. Утопия для реалистов : Как построить идеальный мир] // Свободная Мысль. 2018. № 3.
6. **Давыдов Д. А.** Какому обществу стоит опасаться роботов? К вопросу о грядущем закате «цивилизации труда» // Свободная Мысль. 2017. № 6.
7. **Калюков Е.** Большинство людей в мире разочаровались в капитализме и своем будущем. — <https://www.rbc.ru/society/20/01/2020/5e256201a794766c80373ae> (дата обращения: 17.02.2020).
8. **Краснопольская И.** На время жалуетесь? Стоматологу дали 44 минуты на прием одного пациента, а терапевту — только 15. — <https://rg.ru/2017/01/19/minzdrav-ustanovil-dlia-vrachej-normy-priema-pacientov.html> (дата обращения: 17.02.2020).
9. **Мационг Е.** Может ли искусственный интеллект заменить врача. — <https://rg.ru/2019/07/13/reg-urfo/mozhet-li-iskusstvennyj-intellekt-zamenit-vracha.html> (дата обращения: 17.02.2020).
10. **Мейсон П.** Посткапитализм : Путеводитель по нашему будущему. М. : Ад Маргинем, 2016.
11. **Нодельман В.** Нескорая помощь: каждый десятый россиянин ждет медиков больше 40 минут : Дольше всего к пациентам врачи едут в небольших селах и крупных городах. — <https://iz.ru/864213/valerii-nodelman/neskoraia-pomoshch-kazhdyi-desiatyi-rossiianin-zhdet-medikov-bolshe-40-minut> (дата обращения: 17.02.2020).
12. **Рыкова А.** Исследование показало рост числа смертей в машинах скорой помощи в России. — <https://russian.rt.com/russia/news/646919-issledovanie-smert-skoraya-pomosch> (дата обращения: 17.02.2020).
13. **Сенин К.** Социалистические Штаты Америки: американская молодежь пресытилась капитализмом : Новые социалисты способны серьезно изменить политический расклад на президентских выборах 2020 года. — <https://iz.ru/857148/kill-senin/sotcialisticheskie-shtaty-ameriki-amerikanskaia-molodezh-presytilas-kapitalizmom> (дата обращения: 17.02.2020).

14. **Сергеева О.** Русским продали ненужных лекарств на \$1 млрд : Какой «фуфломицин» мы пьем каждый день? — https://tsargrad.tv/special_projects/russkim-prodali-nenuzhnyh-lekarstv-na-1-mlrd-kakoj-fuflomicin-my-pem-kazhdyy-den_222692 (дата обращения: 17.02.2020).
15. Сколько живет мозг без кислорода. — <https://trv-science.ru/2017/09/22/skolko-zhivet-mozg-bez-kisloroda/> (дата обращения: 17.02.2020).
16. **Срничек Н.** Капитализм платформ. М. : ИД Высшей школы экономики, 2019.
17. **Срничек Н., Уильямс А.** Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М. : Strelka Press, 2019.
18. **Срничек Н., Уильямс А.** Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. № 2.
19. **Стэндинг Г.** Прекариат : Новый опасный класс. М. : Ад Маргинем, 2014.
20. **Фишман Л. Г.** Бумеранг возвращается? // Свободная Мысль. 2019. № 1.
21. **Фрэнк Р.** Успех и удача : Фактор везения и миф меритократии. М. : ИД Высшей школы экономики, 2019.
22. **Bürger A., Wnent J., Bohn A. et al.** The Effect of Ambulance Response Time on Survival Following Out-of-Hospital Cardiac Arrest : An Analysis from the German Resuscitation Registry // Deutsches Ärzteblatt International. 2018. № 33—34(115). — <https://www.aerzteblatt.de/int/archive/article/199593> (дата обращения: 17.02.2020).
23. **Caryn Rabin R.** 15-Minute Visits Take A Toll On The Doctor-Patient Relationship. — <https://khn.org/news/15-minute-doctor-visits/> (дата обращения: 17.02.2020).
24. **Crist C.** The doctor will see you now — but often not for long. — <https://www.reuters.com/article/us-doctor-checkup-duration/the-doctor-will-see-you-now-but-often-not-for-long-idUSKBN1DS2Z2> (дата обращения: 17.02.2020).
25. **Graeber D.** Bullshit Jobs: A Theory. N. Y. : Simon & Schuster, 2018.
26. **Jain M. K., Yamada T., Lefkowitz R.** We Need More Doctors Who Are Scientists : It's in everyone's benefit if physicians participate in research. — <https://www.nytimes.com/2019/09/23/opinion/doctor-scientist-medical-research.html?auth=login-facebook> (дата обращения: 17.02.2020).
27. **Lee B. Y.** Time To Change The 15-Minute Limit For Doctor Visits. — <https://www.forbes.com/sites/brucelee/2016/09/10/time-to-change-the-15-minute-limit-for-doctor-visits/#a3dc29d3477e> (дата обращения: 17.02.2020).
28. **Newman-Toker D. E., Schaffer A. C., Yu-Moe C. W. et al.** Serious Misdiagnosis-Related Harms in Malpractice Claims: The «Big Three» — Vascular Events, Infections, and Cancers // Diagnosis. Official Journal of the Society to Improve Diagnosis in Medicine (SIDM). 2019. № 3(6). — <https://doi.org/10.1515/dx-2019-0019> (дата обращения: 17.02.2020).
29. **O'Keeffe C., Nicholl J., Turner J., Goodacre S.** Role of Ambulance Response Times in the Survival of Patients with Out-of-hospital Cardiac Arrest // Emergency Medicine Journal (EMJ). 2011. № 8(28). — <https://doi.org/10.1136/emj.2009.086363> (дата обращения: 17.02.2020).
30. **Pell J. P., Sirel J. M., Marsden A. K. et al.** Effect of Reducing Ambulance Response Times on Deaths From out of Hospital Cardiac Arrest: Cohort Study // BMJ Clinical Research. № 322(7299). — <https://doi.org/10.1136/bmj.322.7299.1385> (дата обращения: 17.02.2020).
31. **Sinsky Ch., Colligan L., Ling Li et al.** Allocation of Physician Time in Ambulatory Practice: A Time and Motion Study in 4 Specialties. — <https://annals.org/aim/article-abstract/2546704/allocation-physician-time-ambulatory-practice-time-motion-study-4-specialties> (дата обращения: 17.02.2020).
32. **Sturm K.** Misdiagnosis: The Global Epidemic We Should Be Talking About. — <https://themighty.com/2019/01/how-many-misdiagnoses-what-doctors-should-do/> (дата обращения: 17.02.2020).
33. **Van Such M., Lohr R., Beckman T., Naessens J. M.** Extent of Diagnostic Agreement among Medical Referrals // Journal of Evaluation in Clinical Practice. 2017. № 2(23). — <https://doi.org/10.1111/jep.12747> (дата обращения: 17.02.2020). ◆